

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Веселые дни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2545975

Аннотация

«Сезон в Ницце продолжается с половины октября до половины марта. За это время все гостиницы битком набиты и цены за помещение возрастают до безумных размеров. Каждый ваш шаг, каждый глоток, чуть ли не каждый вздох оплачивается неслыханными расходами. Английская, американская и иная валюты неудержимым водопадом льются в беспредельные карманы предприимчивых французов и жадных ниццаров...»

Содержание

Александр Иванович Куприн Веселые дни

Сезон в Ницце продолжается с половины октября до половины марта. За это время все гостиницы битком набиты и цены за помещение возрастают до безумных размеров. Каждый ваш шаг, каждый глоток, чуть ли не каждый вздох оплачивается неслыханными расходами. Английская, американская и иная валюты неудержимым водопадом льются в беспредельные карманы предприимчивых французов и жадных ниццаров. Тамошняя пословица говорит: «В Ниццу ездят веселиться, в Канн – отдыхать, а в Ментону – умирать». И правда, в течение всего сезона жизнь в Ницце представляет из себя сплошное праздничное кружилище: балы, пикники, скачки, велосипедные гонки, карнавалы, множество кафешантанов, голубиное стрельбище, музыка и игра, игра, игра.

Если вы не хотите ехать в Монте-Карло – для вас гостеприимно открыты двери двух роскошных вертепов – Casino Municipal и Casino de la Caite promenade¹.

Но вот наступает конец сезона, и праздная, знатная, нарядная толпа иностранных гостей редет с каждым днем: одни уехали в свои родовые имения, другие – в прохладную

---

¹ Казино «Городское» и казино «Веселая прогулка» (фр.).

Швейцарию, третьи – в Трувилль или на один из модных английских купальных курортов. Милые беззаботные птички Божий.

Один за другим закрываются шикарные отели, и чем отель аристократичнее и дороже, тем он раньше опускает на свои окна плотные зеленые филенки, обволакивает полотном золотые вывески и запирает всё свои входные двери на ключ. Ницца облегченно вздыхает после тяжких и сладких трудов, считает награбленные деньги и теперь решает сама повеселиться. Да и в самом деле, она так долго глядела на чужое веселье и так подобострастно обслуживала чужие прихоти, капризы, нужды и фантазии, что ей, право, не грех позабавиться. Господа уехали – в людской веселье. Да и все равно туземцы теперь, в продолжение пяти-шести месяцев, осуждены на полное бездействие.

И Ницца пляшет.

Нет дня, чтобы вы не увидели протянутую через улицу, от дома к дому, широкую коленкоровую полосу, на которой красными буквами напечатано: «20, 21 и 22 июня (примерно) большой бал комиссионеров (извозчиков, маляров, парикмахеров, рыбаков, прислуги и т. д.) на площади Массена (Гарибальди, Нотр-Дам и проч.). Вход 1 франк». Каждый такой бал, не считая небольших перерывов для сна и еды, длится двое-трое суток. И все они на один образец. Выбирается среди площади обширное круглое место и огораживается столбами, которые снаружи плотно обтягиваются по-

лотном. Сверху на столбы натягивается конусообразная полотняная крыша – словом, получается то, что на языке бродячих цирков называется «шапито», и бальная зала готова.

Остается только навесить крест-накрест на столбах французские флаги, протянуть гирлянды из листьев, поставить эстраду для музыкантов, отделить закоулочек под пивной буфет, и больше ничего не требуется.

С утра до вечера непрерывной вереницей идут и идут под душный полотняный навес мужчины и женщины, старики и дети. Бал длится почти непрерывно. И чем позднее, тем гуще и непринужденнее веселящаяся толпа. Танцуют всегда один и тот же танец – ниццкую польку. Пусть музыка играет все, что хочет: вальс, фокстрот танго, чарльстон – ниццары под всякий размер и под всякий мотив пляшут только свой единственный, излюбленный и, я думаю, очень древний танец. Танцуют обыкновенно пар сто-двести, заполняя весь огромный круг от центра до окружности. Тесным, плотным, живым диском медленно движутся эти пары в одну сторону – противоположную часовой стрелке. Душно, жарко, и нечем дышать. Полотняное шапито не пропускает воздуха: единственный вход, он же и выход, не дает никакой тяги. Мелкая песчаная пыль клубами летит из-под ног и, смешиваясь с испарениями потных человеческих тел, образует над танцорами удушливый мутный покров, сквозь который едва мерцают прикрепленные к столбам лампы и от которого першит в горле и слезятся глаза.

Но самый танец, надо сказать, очень красив. Он, давно привезенный с Запада во Францию, вошел в моду в Париже под именем «танго». Он прост и несложен, как все экзотические древние танцы, но требует особой, своеобразной, инстинктивной грации, без которой танцующий будет позорно смешон. Состоит он вот в чем. Кавалер и дама прижимаются друг к другу вплотную, лицо к лицу, грудь к груди, ноги к ногам; правая рука кавалера обхватывает даму немного ниже талии; правая рука дамы обвивает шею партнера и лежит у него на спине. И в таком положении, тесно слившись, они оба медленными, плавными, эластичными шагами, раскачивая бедрами, подвигаются вперед. Иногда наступает кавалер, отступает дама, потом наоборот. Движения их ног ловко и ритмично согласуются. В этой примитивной пляске очень много грубого, первобытного сладострастия. Сколько раз мне приходилось видеть, как лицо женщины вдруг бледнеет от чувственного волнения, голова совсем склоняется на грудь мужчины и открытые сухие губы в тесноте и давке внезапно с жадностью прижимаются к цветку, продетому и петличку его пиджака. Но в то же время этот танец может быть очаровательным по изяществу. Мои друзья показывали мне двух-трех танцоров и нескольких танцорок, которые считаются лучшими в Ницце. И в самом деле, какая стройность поз, какая хищная и страстная сила в движениях, какое выражение мужской гордости в повороте головы! Нет, этому искусству не выучишься. Надо, чтобы оно жило в крови с

незапамятных времен, разжигаемое моментами страстного влечения.

Был я также на рыбацких балах, которые отличались от вышеописанных только тем, что у музыкантов все инструменты были обернуты серебряным и золотым картоном в форме разных рыб и раковин, а на столбах укреплены весла, рули и спасательные круги.

Но всегда наибольшее оживление царит не в самом шапито, а у входа в него и вокруг его огорожи. Тут располагаются торговцы конфетами, пирожками, лимонадом. Несколько тиров для стрельбы из монтекристо. Будочки, в которых на большом столе расставлены ножики, стаканы, вазочки, флаконы с дешевыми духами и бутылки с отвратительным шампанским. Вы покупаете на несколько су пять или десять деревянных колец, вроде тех, которыми играют в серсо, и бросаете их на стол. Если вам удастся правильно окружить какой-нибудь предмет, он становится вашей собственностью, и публика, к великому вашему смущению, провожает вас аплодисментами. Здесь же помещаются беспроигрышная лотерея со всякой дрянью на выставке, а также и мошеннические лотереи, в которые вы можете выиграть живого петуха или курицу и потом, с идиотским видом, нести под мышкой неистово кричащую птицу, сами не зная, как с ней разделаться. Здесь, под открытым небом, на этом своеобразном игорном базаре, живая толпа всегда весела, жива и добродушна.

Самым интересным все-таки был бал моих друзей-извоз-

чиков. Не помню уж, кто из них, m-eur Филипп или m-eur Альфред, вручил мне однажды почетный билет.

– Для вас и для вашего почтенного семейства, – сказал он с любезной улыбкой.

– Все русские эмигрэ – наши друзья, а вы у нас свой человек. Бал будет завтра в «Калифорнии», и самое лучшее, если вы придете к четырем часам дня; мы будем ожидать вас.

«Калифорния» – это подгородное местечко, замечательное тремя вещами: маяком, прекрасной страусовой фермой и большим рестораном, к которому пристроена обширная сквозная терраса с деревянным полом для танцев.

И так как на другой день выдалась приятная, нежаркая погода, то мы большой компанией отправились в «Калифорнию», побыли около маяка, куда нас не пустили, осмотрели ферму, где, между прочим, страусовые перья продаются вдвое дороже, чем их можно купить в Париже, и, наконец, достаточно усталые, расположились на танцевальной террасе ресторана.

Я не успел еще выпить стакана белого вина со льдом, как увидел, что мне издали делает какие-то таинственные знаки мой друг, m-eur Филипп. Я встал из-за стола и пошел к нему.

– Monsieur, – сказал он со своей обычной вкрадчивой ласковостью, – председатель, или, вернее, шеф, нашей извозчицкой корпорации слышал о вас и хочет познакомиться. Позвольте мне представить вас ему.

Я согласился. Председатель оказался пожилым, но еще

красивым мужчиной – крепким, стройным, как столетний платан.

Он даванул мне так сильно руку, что у меня склеились пальцы, выразил удовольствие видеть меня и предложил мне стакан холодного анжуйского шампанского. После этого он сказал:

– Теперь, по нашему обычаю, я вас должен представить нашему королю, королю извозчиков. Жан! Тащи сюда короля.

Вскоре у стола появился нескладный, длинный белобрысый парень с бритым лицом опереточного простака. Он был одет в длинный, фантастического покроя зеленый балахон, испещренный наклеенными золотыми звездами. Сзади волочился огромный шлейф, который с преувеличенной почитательностью несли двое его товарищей-извозчиков, а на голове красовалась напыленная набекрень золотая корона из папье-маше. Король важно кивнул головой на мой глубокий поклон. «Речь, monsieur, речь, – зашептали вокруг мои друзья, – скажите несколько приветственных слов».

– Ваше величество, – начал я проникновенным голосом, с трудом подбирая французские фразы. – Я прибыл через Париж в Ниццу с крайнего севера, из пределов далекой России, из царства вечных снегов, белых медведей, самоваров, большевиков и казаков. По дороге я посетил много народов, но нигде не встречал подданных более счастливых, чем те, которые находятся под вашим мудрым отеческим покрови-

тельством. Alors!² Пусть государь милостиво разрешит мне наполнить вином эти бокалы и выпить за здоровье доброго короля и за счастье его храброго, веселого народа – славных извозчиков Ниццы.

Король левой рукой благосклонно принял предложенный мною бокал, а другую величественно протянул мне для пожатия.

В самом деле, в этом шуте гороховом была пропасть королевского достоинства.

Вскоре мы уже пили за всех французских извозчиков, и за русских, и даже за извозчиков всего мира, пили за Францию и за Россию, за французских и русских женщин, и за женщин всего земного шара, пили за лошадей всех национальностей, пород и мастей. Я не знаю, чем бы закончили наше красноречие, да и тем более, я чувствовал, что мой кошелек очень быстро пустеет, но, к счастью, ко мне подошел официант и сказал, что приехавшие со мной компаньоны скучают без меня.

Король с обворожительной любезностью отпустил меня, протянув мне на прощание руку; и вдруг неожиданно, потеряв равновесие, покачнулся, взмахнул нелепо руками и очутился на полу в сидячем положении.

– Король и в падении остается королем, – сказал серьезным тоном извозчиный шеф.

Вскоре начались танцы. Оркестра не было. Играло меха-

---

² И вот (*фр.*)

ническое пианино. Кто хотел – заводил его и бросал в щелочку двадцать сантимов. Так как дам оказалось очень мало, то мужчины танцевали с мужчинами, что совсем не режет глаз, потому что очень принято на ниццких балах. Но становилось уже поздно и сыро. Надо было уезжать.